

Его любили не на шутку

В «Ленкоме» простились с Григорием Гориным

Александр ГЕЛЬМАН:

ТАКОЕ впечатление, что Бог проводит совещание, и ему срочно потребовались мудрые люди. Горин был мудрым евреем русской культуры. Мне кажется, в творчестве Гриша был смел, дерзок, соревновался с великими драматургами, а в жизни — сдержан, корректен. У него было еврейское чувство меры, распространявшееся даже на отношение, скажем, к злу. Он не считал, что со злом надо бороться так беспощадно, что сам превращаешься в воплощение зла. Особенно в нашей стране, где любая борьба принимает злое формы. Он считал, что зло имеет право на жизнь и самое большее, чего можно добиться — не позволить злу захватывать лишние территории. Отсюда и его юмор, и уважительное отношение даже к тем, кто был ему неприятен. Наверное, это и есть самая высокая мудрость.

Георгий ДАНИЕЛИЯ:

ЕЩЕ много лет назад я понял, что Горин — мой писатель. Каждый раз, когда мы встречались, всё собирались поработать вместе. Но он сказал: «Ты все время сомневаешься и переписываешь, и я все время сомневаюсь и переписываю. Мы будем писать совместный сценарий до конца жизни». Так и не написали. Если сочинять образ идеального человека, то им был Гриша. Только если на сцене такой герой всегда очень скучный, то с Гришей было очень весело. Его поведение, искрометный юмор, взгляд на жизнь, позволяющий посмотреть на любое событие под другим углом, скрашивали нашу жизнь. Я не верю, что его нет. Не укладывается. Мне жалко себя и всех нас. Но горько — за его жену Любу, они составляли такую пару, что сегодня будто единое целое разорвали пополам. Дай ей Бог мужества.

Игорь КВАША:

ГОРИН любил определение Михаила Светлова: «дружба — явление круглосуточное». Он даже перефразировал: «дружба — явление пожизненное». Широкий, даже в мелочах, он всегда кидался на помощь. За несколько дней до смерти позвонил, позвал в гости. У меня было жуткое настроение, я отказался. А спустя время раздался звонок в домофон. Кто там? «Ритуальные услуги, — ответили Гриша с Любой. — Реанимация». Тяжело, что

он умер, но примешивается жалость по отношению ко всем его друзьям, потому что к нам больше не придет «скорая помощь».

Эдвард РАДЗИНСКИЙ:

ЭТО был по-настоящему здоровый человек. Когда он болел, он скрывал это, потому что знал, что внутри он здоров. Потому что был очень добрым. Самым добрым из тех, которых я видел в этой «республике волков», как шутя определял литературный цех Бомарше. И никаким шутком Горин не был. Он был поэтом, который писал о шутках. Видимо, кухонная жизнь была для него нехороша, потому что он и предпочитал беседовать с Де Костером, Шекспиром и прочими.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ:

КАЖДЫЙ артист, человек, который зависит от публики, перед выступлением всякий раз мучается: придут зрители или не придут? Я успокою тебя, Гриша: они пришли. Горин умер. Что осталось? Ни дома, ни дерева, ни детей. Одни слова. Но эти слова помогут прочитавшим их создать и дом, и дерево, и детей.

Олег ЯНКОВСКИЙ:

НЕ КАЖДЫЙ автор может так сложить слова: «Господи, как надоело умирать... В горинской пьесе «Шут Балакирев», которую сейчас репетирует «Ленком», есть сцена, где шут Балакирев после смерти встречается со всеми персонажами. Может быть, он предвидел?

Эльдар РЯЗАНОВ:

ОЦЕНКА Горина как сценариста и прозаика еще впереди, хотя то, что он останется в нашей культуре, понятно уже сейчас. Но я знал его человеческую сущность. Когда мы вместе работали над фильмом «О бедном гусаре замолвите слово», он поразил меня редким для сценариста качеством творчества: Гриша не отходил ни на шаг, я постоянно чувствовал его локоть и дыхание. Известие о Гришиной смерти — как вспышка молнии. Вокруг меня пуста: Булат, Юрий Никулин, Марк Галлай, Олег Ефремов, Святослав Федоров, Василий Катанян... Я ощущаю себя героем Есенина: «Стою один среди долины голых, / А журавлей уносит ветер вдали»...

Григорий ГОРИН,

январь 2000 года:

О публичности: Раньше было интересно — про что, потом стало интересно — как, а сегодня важно — кто. Кто автор, каковы его взгляды, чего он хочет от жизни. Я не знаю, как вы, а я не могу смотреть, как артист играет Лира или Гамлета, если вчера он сказал по телевизору глупость или подлость. Телевидение дает уникальную возможность общаться со зрителем, но как когда-то актеры уходили со сцены, так сегодня с годами надо все реже и реже мелькать на экране. Буду себя уговаривать.

Об интеллигенции: По-моему, интеллигенция не всегда должна быть в оппозиции к власти. Когда академик Сахаров был избран в Верховный Совет, он не перестал быть интеллигентом. А Анпилова, хоть он и орет на митингах, я к интеллигенции не причислю. Для меня интеллигент — тот, кто остается самим собой в любых обстоятельствах, он понимает, что находится на виду и его поведение в какой-то мере определяет поступки других. В свое время академик Лихачев очень точно сказал: интеллигентность — единственное качество, в котором нельзя притвориться.

О политике: Самая предпочтительная для меня партия — партия на бильярде. Ни в какой другой я никогда не состоял. Как говорил мой любимый Джонатан Свифт: партия — это безумие многих во имя благополучия единиц. Вот кто бы организовал свою партию, так это Мюнхгаузен: такой энергичный фантазер имел бы большой успех в Думе. Потомку барона, крупному немецкому землевладельцу, я даже предлагал попытаться вытащить из болота за во-

лосы самого себя вместе с нашим сельским хозяйством. Когда мы сидели на кухне в 60-е годы, мы мечтали, чтобы нами правил человек образованный, из хорошей семьи, поэт. А потом в Грузии такой правитель, Гамсахурдиа, появился. И его страна до сих пор не может зализать раны, нанесенные образованнейшим президентом. Если появится президент, который будет понимать, что он не только временный правитель страны, но и ее гость, я первый за него проголосую.

О жене:

Жена юмориста с женой декабриста Судьбою сравнима вполне. Свой каторжный труд добывания шутки, в котором проводит он целые сутки, Всё поровну делится с ней. И все, что добудет, стократно обсудит, Проверив на ней заодно. И даже когда ей свой стих посвящает, Расслабиться, бедной, и тут запрещает, А спросит: ну это смешно?

О смерти: Когда мне было 33 года, я потерял сознание. Всё было так, как я читал о том, как уходят на тот свет: и темный коридор, и свет в конце, и уже покойная мама. Тогда я понял, что уход человека — не такая уж сложно прогнозируемая вещь. Всегда можно узнать, либо по гороскопам, либо просто по ощущению, кем ты был в прошлой жизни. Надо просто начать вспоминать. Я, например, был женщиной-грузинкой (недаром я женат на грузинке), рыбой (еще в школе звали «карасем»), возможно, пчелой (люблю мед и цветы, вечно жужжу). Если в это верить, то не страшно. Ну что ж, снова буду пчелой. К тому же, с появлением телевидения смерть перестала быть реальностью. Поэтому не будем ее бояться, будем веселиться.